

Матушка! Матушка! — детский плач пронесся над пылающим дворцом, но никто не отозвался. Кто-то в панике бежал, кто-то пользовался хаосом, чтобы набить карманы, кто-то сводил личные счета... В этот миг человеческая низость проявилась во всей своей неприглядной красе.

—! — ребенок внезапно радостно бросился к кому-то, ухватившись за полу одежды, словно за спасительную соломинку: — Спаси матушку! Я...

В следующее мгновение тяжелая ладонь опустилась на спину мальчика, с силой впечатав его в землю. Что было дальше, он уже не помнил.

Я открыл глаза и обнаружил, что стою на коленях.

Это меня изрядно разозлило.

Как добропорядочный юноша, воспитанный на идеалах социализма, как мужчина, привыкший стоять прямо, разве мог я просто так перед кем-то преклонять колени!

Плохо, это очень плохо.

Но я все же покорился, потому что над моей головой навис клинок.

Если я сейчас встану, лезвие просто снимет мне скальп.

Честно говоря, если не считать невыразимой душевной боли от вида падающих клочьев волос, то, как меня бреют, было даже приятно.

Хотя я и не собирался сопротивляться, тот, кто орудовал бритвой, видимо, думал иначе. Его вторая рука, свободная от ножа, намертво вцепилась мне в голову, заставляя задышаться — казалось, еще немного, и шею просто сломают. По правде говоря, я поднял голову лишь для того, чтобы вдохнуть немного свежего воздуха, но если ты продолжишь так давить, я тебя укушу. Всерьез укушу!

Почему укушу, а не ударю? Да потому что, открыв глаза, я сразу понял, что превратился в мелкого карапуза, чье единственное оружие — этот неполный комплект молочных зубов. Я попробовал их языком — довольно острые.

Наконец, на голове не осталось ни волоска. Только тогда я разглядел того, кто меня обрил: тонкие брови, узкие глаза — лицо человека, лишённого всякого сострадания.

— Настоятель, — этот человек, нет, этот монах почтительно поклонился одному из трех старцев, стоявших перед залом Будды: — Ученик завершил постриг. Прошу, дайте ему имя.

— Не спеши, не спеши. — Старец, стоявший в центре, подошел ко мне с улыбкой. Зрение у меня было неважное, и только когда он приблизился, я разглядел его лицо — типичный монах с добрым и кротким выражением. Он присел передо мной и легонько провел большой ладонью по моему лицу, оставив на коже влажные следы.

Только тогда я понял, что плачу.

Должно быть, тот тип слишком больно меня прижал.

Старец, очевидно, истолковал мои слезы иначе. Он тихо рассмеялся и ласково погладил мою гладкую голову:

— Дитя, ты не хочешь идти по пути Будды.

Тот негодный монах сразу засуетился:

— Настоятель! Он же просто несмышленный ребенок! — он хотел было броситься ко мне, чтобы хлопнуть по спине, но, заметив взгляд настоятеля, лишь раздраженно прошипел сквозь зубы: — Перестань реветь, живо прекрати! Настоятель сейчас...

— Цюнань, — прервал его старец: — Отойди.

— ...Слушаюсь. — Монах по имени Цюнань с досадой зыркнул на меня и замолчал.

На самом деле я был в замешательстве. Я не мог вспомнить, кто я такой, и понятия не имел, чем занимался раньше. Я даже не понимал, что за добропорядочный юноша, воспитанный на социализме, всплыл в моей памяти — эти слова были в голове, но откуда они взялись, я не знал.

Однако я помнил одно: монахам нельзя есть мясо.

Я очень хотел ответить, что совершенно не желаю быть монахом, но, не разобравшись в ситуации, предпочел молчать и упрямо смотреть на него в упор.

Когда мы замерли в нерешительности, подошел еще один старец, худой и высокий:

— Младший брат, обитель Будды — место чистое. Этот ребенок еще не избавился от мирской скверны и не хочет ступать на наш путь, не лучше ли отпустить его?

— Настоятель! Вы же позволили мне постричь его! — Цюнань бухнулся на колени: — Те люди не оставят его в покое! Если вы не примете его, никто не сможет его защитить!

Ого, похоже, моя роль здесь довольно опасная!

— Амиабха, — со вздохом произнес настоятель и снова обратился ко мне: — А что ты сам думаешь?

Не стать монахом — значит умереть? Я немного подумал и в конце концов кивнул.

Цюнань облегченно выдохнул, но высокий худой монах нахмурился:

— Раз уж вступил на путь Будды, нужно очистить свои чувства. Твои мирские помыслы еще не угасли, как же ты обрешь чистоту? Нельзя обманывать Будду.

Этот монах был до того занудным! Пусть я хотел мяса, но умирать не собирался. Ради спасения жизни можно и в монахи податься, но он твердил про мирские помыслы только потому, что не хотел меня оставлять. Сразу было видно, что он боится неприятностей. В конце концов, это человеческая природа. Но раз уж он выгоняет меня, зачем прикрываться буддийскими догмами? Лицемер.

Решив сохранить лицо, я с пренебрежением ответил ему:

— Ой, да иди ты, мне это до лампочки.

...Черт, что я сказал?! Я ведь хотел сказать: мне до этого нет дела! Что еще за лампочки?!

Я прикусил свой беззубый рот и замолчал.

Через три секунды старец, сидевший передо мной, вдруг хлопнул себя по коленям и расхохотался:

— Ха-ха-ха-ха! Шестой принц, ты и правда забавный!

Шестой принц? Это я, что ли?

— Что ж, — он долго смеялся, прежде чем остановиться: — У тебя восемь старших братьев, ты будешь девятым. Пожалуй, дам тебе имя Цзюцзянь, как тебе?

Высокий худой монах, который явно был мной недоволен, хотел что-то сказать, но, поймав взгляд настоятеля, проглотил слова. Цюнань же просиял и, потянув меня за собой, заставил поклониться:

— Скорее поприветствуй своего наставника!

Мой лоб без всякой подготовки с грохотом ударился о каменный пол.

Черт возьми, ну и дела.

Не знаю насчет тех разбойников снаружи, но вы точно пришли сюда, чтобы прикончить меня, да?

Может, я был слишком слаб, но от этого удара у меня потемнело в глазах, и я потерял сознание.

Мне приснился длинный сон. В нем мужчина поднял ребенка высоко над головой, тот, сидя у него на шее, сорвал цветок магнолии и, словно великую драгоценность, протянул женщине. Но рука дрогнула, цветок упал в грязь, и мужчина случайно наступил на него. Ребенок долго

смотрел на цветок, а потом горько заплакал, невнятно выкрикивая: Цветок, цветок! Мужчина же рассмеялся, снял его с плеч и крепко расцеловал: Наш Цзи-эр такой милый, ха-ха-ха... Женщина рядом смотрела на них с нежностью, ее взгляд был прикован к ребенку и мужчине, в ее сердце не было никого, кроме них.

Когда ребенок долго плакал, женщина не выдержала и упрекнула мужа: Не дразни Цзи-эра, поскорее утешь его!

Мужчина принялся успокаивать: Не плачь, Цзи-эр, не плачь. Отец подарит тебе еще один цветок для матушки, хорошо?

Ребенок, всхлипывая, затих: Правда?

Разве я могу лгать? — улыбнулся мужчина. — В следующем году я велю разбить для тебя целый сад, засадим его магнолиями. Какой захочешь подарить матушке, такой и сорвешь, договорились?

Договорились ли?

Не знаю. Я проснулся.

Я лежал в карете. Внутри было двое: я и старец.

Он листал сутру и лениво бросил на меня взгляд:

— Очнулся?

Помня урок с лампочкой, я решил отвечать максимально кратко:

— Куда мы?

Проклятье! В следующий раз буду говорить по одному слову!

— В Фанлань, в Храм Белого Дракона. — Я заметил, что он с особым удовольствием говорит со мной, только когда я ошибаюсь. Какое странное пристрастие. — Мой хороший ученик, за спасение твоей жизни нужно платить.

Фанлань? Не слышал.

Следуя правилу меньше слов — меньше ошибок, я промолчал. В литературе это называется недосказанностью, оставляющей пространство для воображения.

— Цзюцзянь, раз уж ты стал монахом, забудь о том, что было раньше. — Похоже, старец сам додумал все остальное, потому что снова положил руку на мою бритую голову: — Знаешь, почему я назвал тебя Цзюцзянь?

— В Чуских строфах есть произведения, посвященные печали и раздумьям. Я дал тебе это имя, чтобы ты постиг на два наставления больше, чем другие: первое — наставление самому себе, второе — наставление миру. Когда поймешь их, сможешь стать настоятелем Храма Белого Дракона.

На самом деле, я не особо хотел быть настоятелем. Но его рука так приятно грела. Говорят, мужчинам нельзя трогать голову, но тот, кто это придумал, явно не ходил с только что обритой макушкой — мне было холодно.

Чтобы он и дальше бесплатно грел мою голову, я решил согласиться на монашество.

Я перестал думать о том, кто такой Цзи-эр из моего сна, и странное чувство, возникшее тогда, начало постепенно утихать.

Кажется, я выполнил первое задание настоятеля — он хотел, чтобы я забыл о прошлом.

Я, кажется, уже забыл.

<http://bllate.org/book/22245/2325282>